

Двойная ошибка

Автор:

[Проспер Мериме](#)

Двойная ошибка

Проспер Мериме

Новеллы Проспера Мериме

«...Жюли де Шаверни была замужем около шести лет, и вот уж пять с половиной лет, как она поняла, что ей не только невозможно любить своего мужа, но даже трудно питать к нему хотя бы некоторое уважение.

Между тем муж отнюдь не был человеком бесчестным; он не был ни грубияном, ни дураком. А все-таки его, пожалуй, можно было назвать всеми этими именами. ...»

Проспер Мериме

Двойная ошибка

Zagala, mas que las flores

Blanca, rubia y ojos verdes!

Si piensas seguir amores,

Pierdote bien, pues te pierdes[1 - Девушка зеленоглазая, Более белая и алая, чем цветы! Коль скоро ты решила полюбить, То погибай до конца, раз уж ты гибнешь (исп.). Старинная испанская народная песня].

Глава 1

Жюли де Шаверни была замужем около шести лет, и вот уж пять с половиной лет, как она поняла, что ей не только невозможно любить своего мужа, но даже трудно питать к нему хотя бы некоторое уважение.

Между тем муж отнюдь не был человеком бесчестным; он не был ни грубияном, ни дураком. А все-таки его, пожалуй, можно было назвать всеми этими именами. Если бы она углубилась в свои воспоминания, она припомнила бы, что когда-то он был ей приятен, но теперь он казался ей несносным. Все в нем отталкивало ее. При взгляде на то, как он ел, пил кофе, говорил, с ней делались нервные судороги. Они виделись и разговаривали только за столом, но обедать вместе им приходилось несколько раз в неделю, и этого было достаточно, чтобы поддерживать отвращение Жюли.

Шаверни был довольно представительный мужчина, слишком полный для своего возраста, сангвиник, со свежим цветом лица, по характеру своему не склонный к тому смутному беспокойству, которому часто подвержены люди, обладающие воображением. Он свято верил, что жена питает к нему спокойную дружбу (он слишком был философом, чтобы считать себя любимым, как в первый день супружества), и уверенность эта не доставляла ему ни удовольствия, ни огорчения; он легко примирился бы и с обратным положением. Он несколько лет прослужил в кавалерийском полку, но, получив крупное наследство, почувствовал, что гарнизонная жизнь ему надоела, подал в отставку и женился. Объяснить брак двух молодых людей, не имеющих ничего общего, – это довольно трудная задача. С одной стороны, дед с бабкой и некоторые услужливые люди, которые, подобно Фрозине, охотно повенчали бы Венецианскую республику с турецким султаном, изрядно хлопотали, чтобы упорядочить материальные дела. С другой стороны, Шаверни происходил из хорошей семьи, в то время еще не растолстел, был весельчаком и в полном смысле слова «добрым малым». Жюли нравилось, что он ходит к ее матери, так как он смешил ее рассказами из полковой жизни, комизм которых не всегда отличался хорошим вкусом. Она находила, что он очень мил, так как он танцевал с нею на всех балах и всегда придумывал способ уговорить мать Жюли остаться на них подольше, съездить в театр или в Булонский лес. Наконец, Жюли считала его героем, так как он два или три раза с честью дрался на дуэли. Но

окончательную победу доставило Шаверни описание кареты, которую он собирался заказать по собственному рисунку и в которой он обещал сам повезти Жюли, когда она согласится отдать ему свою руку.

Через несколько месяцев после свадьбы все прекрасные качества Шаверни в значительной степени потеряли свою ценность. Нечего и говорить, что он уже не танцевал со своей женой. Забавные истории свои он пересказал уже раза по три, по четыре. Теперь он находил, что балы ужасно затягиваются. В театрах он зевал и считал невыносимо стеснительным обычай одеваться к вечеру. Главным его недостатком была лень. Если бы он заботился о том, чтобы нравиться, ему это, может быть, и удалось бы, но всякое стеснение казалось ему наказанием – это свойство почти всех тучных людей. В обществе ему было скучно, потому что там любезный прием прямо пропорционален усилиям, затраченным на то, чтобы понравиться. Шумный кутеж предпочитал он всяким более изысканным развлечениям, ибо для того, чтобы выделиться в среде людей, которые были ему по вкусу, ему было достаточно перекричать других, а это не представляло для него трудностей при его могучих легких. Кроме того, он полагал свою гордость в том, что мог выпить шампанского больше, чем обыкновенный человек, и умел превосходно брать четырехфутовые барьеры. Таким образом, он приобрел вполне заслуженное уважение среди тех трудно определяемых существ, которые называются «молодыми людьми» и которыми кишат наши бульвары начиная с пяти часов вечера. Охота, загородные прогулки, скачки, холостые обеды, холостые ужины – всему этому он предавался со страстью. Раз двадцать на дню он повторял, что он счастливейший из смертных. И всякий раз, как Жюли это слышала, она поднимала глаза к небу, и маленький ротик ее выражал при этом несказанное презрение.

Она была молода, красива и замужем за человеком, который ей не нравился; вполне понятно, что ее окружало далеко не бескорыстное поклонение. Но, не считая присмотра матери, женщины очень благоразумной, собственная ее гордость (это был ее недостаток) до сей поры охраняла ее от светских соблазнов. К тому же разочарование, которое постигло ее в замужестве, послужив ей до некоторой степени уроком, притупило в ней способность воспламеняться. Она гордилась тем, что в обществе ее жалеют и ставят в пример как образец покорности судьбе. Она была по-своему даже счастлива, так как никого не любила, а муж предоставлял ей полную свободу. Ее кокетство (надо признаться, она все же любила порисоваться тем, что ее муж даже не понимает, каким он обладает сокровищем) было совершенно инстинктивным, как кокетство ребенка. Оно отлично уживалось с пренебрежительной сдержанностью, совсем непохожей на чопорность. Притом она умела быть

любезной со всеми, и со всеми одинаково. В ее поведении невозможно было найти ни малейшего повода для злословия.

Глава 2

Супруги обедали у матери Жюли г-жи де Люсан, собиравшейся уехать в Ниццу. Шаверни, который смертельно скучал у своей тещи, принужден был провести там вечер, хотя ему и очень хотелось встретиться со своими друзьями на бульваре. После обеда он уселся на удобный диван и просидел два часа, погруженный в молчание. Объяснялось его поведение очень просто: он заснул, сохраняя, впрочем, вполне приличный вид, склонив голову набок, словно с интересом прислушиваясь к разговору. Время от времени он даже просыпался и вставлял одно-два словечка.

Затем пришлось сесть за вист. Этой игры он терпеть не мог, так как она требует известного умственного напряжения. Все это задержало его довольно долго. Пробило половину двенадцатого. На вечер Шаверни не был никуда приглашен – он решительно не знал, куда деваться. Покуда он мучился этим вопросом, доложили, что экипаж подан. Если он поедет домой, нужно будет ехать с женой; перспектива провести с ней двадцать минут с глазу на глаз пугала его. Но у него не было при себе сигар, и он сгорал от нетерпения вскрыть новый ящик, полученный им из Гавра как раз в ту минуту, когда он выезжал на обед. Он покорился своей участи.

Окутывая жену шалью, он не мог удержаться от улыбки, когда увидел себя в зеркале исполняющим обязанности влюбленного мужа. Обратил он внимание и на жену, на которую за весь вечер ни разу не взглянул. Сегодня она показалась ему красивее, чем обыкновенно; поэтому он довольно долго расправлял складки на ее шали. Жюли было также не по себе от предвкушения супружеского тет-а-тета. Она надула губки, и дуги бровей у нее невольно сдвинулись. Все это придавало ее лицу такое привлекательное выражение, что даже сам муж не мог остаться равнодушным. Глаза их в зеркале встретились во время только что описанной процедуры. Оба смутились. Чтобы выйти из неловкого положения, Шаверни, улыбаясь, поцеловал у жены руку, которую она подняла, чтобы поправить шаль.

– Как они любят друг друга! – прошептала г-жа де Люсан, не замечая ни холодной пренебрежительности жены, ни равнодушия супруга.

Сидя рядом в своем экипаже, почти касаясь друг друга, они некоторое время молчали. Шаверни отлично знал, что из приличия нужно о чем-нибудь заговорить, но ему ничего не приходило в голову. Жюли хранила безнадежное молчание. Он зевнул раза три или четыре, так что самому стало стыдно, и при последнем зевке счел необходимым извиниться перед женой.

– Вечер затянулся, – заметил он в виде оправдания.

Жюли усмотрела в этом замечании намерение покритиковать вечера у ее матери и сказать ей какую-нибудь неприятность. С давних пор она привыкла уклоняться от всяких объяснений с мужем; поэтому она продолжала хранить молчание.

У Шаверни в этот вечер неожиданно развязался язык; минуты через две он снова начал:

– Я отлично пообедал сегодня, но должен вам сказать, что шампанское у вашей матушки слишком сладкое.

– Что? – спросила Жюли, неторопливо повернув к нему голову и притворяясь, что не расслышала.

– Я говорю, что шампанское у вашей матушки слишком сладкое. Я забыл ей об этом сказать. Странное дело: воображают, что нет ничего легче, как выбрать шампанское. Между тем это очень трудно. На двадцать плохих марок одна хорошая.

– Да?

Удостоив его из вежливости этим восклицанием, Жюли отвернулась и стала смотреть в окно кареты. Шаверни откинулся на спинку и положил ноги на переднюю скамеечку, несколько раздосадованный тем, что жена его так явно равнодушна ко всем его стараниям завязать разговор.

Тем не менее, зевнув еще раз два или три, он снова начал, придвигаясь к Жюли:

– Сегодняшнее ваше платье удивительно к вам идет, Жюли. Где вы его заказывали?

«Наверно, он хочет заказать такое же для своей любовницы», – подумала Жюли и, слегка улыбнувшись, ответила:

– У Бюрти.

– Почему вы смеетесь? – спросил Шаверни, снимая ноги со скамеечки и придвигаясь еще ближе.

В то же время он жестом, несколько напоминая Тартюфа, стал поглаживать рукав ее платья.

– Мне смешно, что вы замечаете, как я одета, – отвечала Жюли. – Осторожнее! Вы изомнете мне рукава.

И она высвободила свой рукав.

– Уверяю вас, я очень внимательно отношусь к вашим туалетам и в полном восхищении от вашего вкуса. Честное слово, еще недавно я говорил об этом с... с одной женщиной, которая всегда очень плохо одета... хотя ужасно много тратит на платья... Она способна разорить... Я говорил с ней... и ставил в пример вас...

Жюли доставляло удовольствие его смущение; она даже не пыталась прийти к нему на помощь и не прерывала его.

– У вас неважные лошади: они еле передвигают ноги. Нужно будет их поменять, – произнес Шаверни, совершенно смешавшись.

В течение остального пути разговор не отличался оживленностью: с той и с другой стороны он не шел далее нескольких фраз.

Наконец супруги добрались до дому и расстались, пожелав друг другу спокойной ночи.

Жюли начала раздеваться. Горничная ее зачем-то вышла, дверь в спальне неожиданно отворилась, и вошел Шаверни. Жюли торопливо прикрыла плечи платком.

- Простите, - сказал он, - мне бы хотелось почитать на сон грядущий последний роман Вальтера Скотта... Квентин Дорвард, кажется?

- Он, наверное, у вас, - ответила Жюли, - здесь книг нет.

Шаверни посмотрел на жену. Полуодетая (а это всегда подчеркивает красоту женщины), она показалась ему, если пользоваться одним из ненавистных мне выражений, пикантной. «В самом деле, она очень красива!» - подумал Шаверни. И он продолжал стоять перед нею, не двигаясь с места и не говоря ни слова, с подсвечником в руке. Жюли тоже стояла перед ним и мяла ночной чепчик, казалось, с нетерпением ожидая, когда он оставит ее одну.

- Вы сегодня очаровательны, черт меня побери! - воскликнул Шаверни, делая шаг вперед и ставя подсвечник. - Люблю женщин с распущенными волосами!

С этими словами он схватил рукою одну из прядей, покрывавших плечи Жюли, и почти с нежностью обнял ее за талию.

- Боже мой, как от вас пахнет табаком! - воскликнула Жюли и отвернулась. - Оставьте мои волосы в покое, а то они пропитаются табачным запахом, и я не смогу от него отделаться.

- Пустяки! Вы говорите это просто так, зная, что я иногда курю. Ну, женушка, не изображайте из себя недотрогу!

Она недостаточно быстро вырвалась из его объятий, так что ему удалось поцеловать ее в плечо.

К счастью для Жюли, вернулась горничная. Для женщин нет ничего ненавистнее подобных ласк, которые и принимать, и отвергать одинаково смешно.

– Мари! – обратилась г-жа де Шаверни к горничной. – У моего голубого платья лиф слишком длинен. Я видела сегодня госпожу де Бежи, а у нее безукоризненный вкус: лиф у нее был на добрых два пальца короче. Заколите складку булавками – посмотрим, как это выйдет.

Между горничной и барыней завязался самый оживленный разговор относительно того, какой длины должен быть лиф. Жюли знала, что Шаверни терпеть не может разговоров о тряпках и что она его выживет таким образом. Действительно, походив взад и вперед минут пять и видя, что Жюли всецело занята своим лифом, Шаверни зевнул во весь рот, взял свой подсвечник, вышел и больше не возвращался.

Глава 3

Майор Перен сидел за маленьким столиком и внимательно читал. Тщательно вычищенный сюртук, фуражка и в особенности гордо выпяченная грудь – все выдавало в нем старого служаку. В комнате у него все было чисто, но крайне просто. Чернильница и два очиненных пера находились на столе рядом с пачкой почтовой бумаги, ни один листик которой не был пущен в ход по крайней мере в течение года. Но если майор Перен не любил писать, то читал он очень много. В настоящее время он читал Персидские письма, покуривая пенковую трубку, и двойное занятие это поглощало все его внимание, так что он не сразу заметил, как в его комнату вошел майор де Шатофор. Это был молодой офицер из его полка, обладавший очаровательной наружностью, крайне любезный, фатоватый, которому очень покровительствовал военный министр, – словом, почти во всех отношениях прямая противоположность майору Перену. Тем не менее они почему-то дружили и видались ежедневно.

Шатофор хлопнул по плечу майора Перена. Тот обернулся, не вынимая трубки изо рта. Первым чувством его была радость при виде друга; вторым – сожаление (достойный человек!), что его оторвали от книги; третьим – покорность обстоятельствам и полная готовность быть гостеприимным хозяином. Он стал отыскивать в кармане ключ от шкафа, где хранилась заветная коробка с сигарами, которых сам майор не курил, но которыми он по одной угощал своего друга.

Но Шатофор, выдавший это движение сотни раз, остановил его, воскликнув:

– Не надо, дядюшка Перен, поберегите ваши сигары! Я взял с собой.

Затем он достал изящный портсигар из мексиканской соломки, вынул оттуда сигару цвета корицы, заостренную с обоих концов, и, закурив ее, растянулся на маленькой кушетке, которой майор Перен никогда не пользовался; голову он положил на изголовье, а ноги – на противоположный валик. Первым делом Шатофор окутал себя облаком дыма; потонув в нем, он закрыл глаза, словно обдумывая то, что намеревался сообщить. Лицо его сияло от радости; грудь, по-видимому, с трудом удерживала тайну счастья – он горел нетерпением выдать ее. Майор Перен, усевшись на стул около кушетки, некоторое время курил молча, потом, видя, что Шатофор не торопится рассказывать, спросил:

– Как поживает Урика?

Урика была черная кобыла, которую Шатофор загнал, чуть не доведя ее до запала.

– Отлично, – ответил Шатофор, не расслышав вопроса. – Перен! – вскричал он, вытягивая по направлению к нему ногу, лежавшую на валике кушетки. – Знаете ли вы, что для вас большое счастье быть моим другом?..

Старый майор стал перебирать в уме, какие выгоды имел он от знакомства с Шатофором, но ничего не мог вспомнить, кроме нескольких фунтов кнастера, которые тот ему подарил, да нескольких дней ареста за участие в дуэли, где первую роль играл Шатофор. Правда, его друг неоднократно давал ему доказательства своего доверия. Шатофор всегда обращался к Перену, когда нужно было заменить его по службе или когда ему требовался секундант.

Шатофор не дал ему времени на раздумье и протянул письмецо на атласной английской бумаге, написанное красивым бисерным почерком. Майор Перен состроил гримасу, которая у него должна была заменять улыбку. Он часто видел эти атласные письма, покрытые бисерным почерком и адресованные его другу.

– Вот, прочтите, – сказал тот, – вы этим обязаны мне.

Перен прочел нижеследующее:

Было бы очень мило с Вашей стороны, дорогой господин де Шатофор, если бы Вы пришли к нам пообедать. Господин де Шаверни лично приехал бы Вас пригласить, но он должен отправиться на охоту. Я не знаю адреса майора Перена и не могу послать ему письменное приглашение. Вы возбудили во мне желание познакомиться с ним, и я буду Вам вдвойне обязана, если Вы привезете его к нам.

Жюли де Шаверни

P. S. Я Вам крайне признательна за ноты, которые Вы для меня потрудились переписать. Музыка очаровательна и, как всегда, доказывает Ваш вкус. Вы не приходите больше к нам по четвергам. Между тем Вы знаете, какое удовольствие доставляют нам Ваши посещения.

– Красивый почерк, только слишком мелкий, – сказал Перен, окончив чтение. – Но, черт возьми, обед этот мало меня интересует; придется надеть шелковые чулки и не курить после обеда!

– Какая неприятность!.. Стало быть, вы предпочитаете трубку самой хорошенькой женщине в Париже... Но больше всего меня удивляет ваша неблагодарность, вы даже не поблагодарили меня за счастье, которым обязаны мне.

– Вас благодарить? Но ведь этим удовольствием я обязан не вам... если только это можно назвать удовольствием.

– А кому же?

– Шаверни, который был у нас ротмистром. Наверно, он сказал своей жене: «Пригласи Перена, он добрый малый». С какой стати хорошенькая женщина, с которой я встречался всего один раз, будет приглашать такую старую корягу?

Шатофор улыбнулся и взглянул в узенькое зеркальце, украшавшее помещение майора.

– Сегодня вы не особенно проницательны, дядюшка Перен. Перечтите-ка еще раз это письмо: может быть, вы найдете кое-что, чего вы не рассмотрели.

Майор рассмотрел письмо со всех сторон, но ничего не увидел.

– Как! – вскричал Шатофор. – Неужели вы, старый драгун, не понимаете? Ведь она приглашает вас, чтобы доставить мне удовольствие, единственно из желания показать мне, что она считается с моими друзьями... чтобы дать мне понять...

– Что? – перебил его Перен.

– Что? Вы сами знаете что.

– Что она вас любит? – спросил недоверчиво майор.

Шатофор в ответ засвистел.

– Значит, она влюблена в вас?

Шатофор снова свистнул.

– Она призналась вам?

– Но... Мне кажется, это и так видно.

– Откуда?.. Из этого письма?..

– Конечно.

Теперь уже засвистел Перен. Свист его был так же многозначителен, как пресловутое Лиллибулуро дядюшки Тоби.

– Как! – вскрикнул Шатофор, вырывая письмо из рук Перена. – Вы не видите, сколько в этом письме заключено... нежности... именно нежности? «Дорогой господин де Шатофор», – что вы на это скажете? Заметьте, что раньше в письмах она писала мне просто «милостивый государь». «Я буду Вам вдвойне обязана» – это ясно. И посмотрите, в конце зачеркнуто слово «искренне». Она хотела написать «искренне расположенная к Вам», но не решилась. А «искренне уважающая Вас» ей казалось слабым... Она не кончила письма... Чего вы еще хотите, старина? Чтобы дама из хорошей семьи бросилась на шею вашему покорнейшему слуге как маленькая гризетка?.. Письмо, уверяю вас, очаровательно, нужно быть слепым, чтобы не видеть всей его страстности... А что вы скажете об упреках в конце письма за то, что я пропустил единственный четверг?

– Бедная женщина! – воскликнул Перен. – Не влюбляйся в этого человека: ты очень скоро раскаешься.

Шатофор пропустил мимо ушей восклицание приятеля и, понизив голос, заговорил вкрадчиво:

– Знаете, дорогой, вы могли бы мне оказать большую услугу...

– Каким образом?

– Вы должны мне помочь в этом деле. Я знаю, что муж с ней очень плохо обращается... Из-за этого скота она несчастна... Вы его знаете, Перен. Подтвердите его жене, что он – грубое животное и что репутация у него прескверная.

– О!..

– Развратник... Вы же знаете! Когда он был в полку, у него были любовницы, и какие любовницы! Расскажите обо всем его жене.

– Но как же говорить о таких вещах? Соваться не в свое дело!..

– Боже мой, все можно сказать умеючи! Но главное, отзовитесь с похвалой обо мне.

– Это легче. Но все-таки...

– Не так-то легко, как кажется. Дай вам волю, вы меня так расхвалите, что от ваших похвал не поздоровится... Скажите ей, что с некоторых пор, как вы замечаете, я сделался грустным, перестал разговаривать, перестал есть...

– Еще чего! – воскликнул Перен, громко расхохотавшись, отчего трубка его заплясала самым забавным образом. – Этого я никогда не смогу сказать в лицо госпоже де Шаверни. Еще вчера вечером вас чуть не на руках унесли после обеда, который нам давали сослуживцы.

– Да, но рассказывать ей об этом – совершенно лишнее. Пусть она знает, что я в нее влюблен. А эти писаки-романисты вбили женщинам в голову, что человек, который ест и пьет, не может быть влюбленным.

– Вот я, например, не знаю, что бы могло меня заставить отказаться от еды и питья.

– Итак, решено, дорогой Перен! – сказал Шатофор, надевая шляпу и поправляя завитки волос. – В четверг я за вами захожу. Туфли, шелковые чулки, парадный мундир. Главное, не забудьте наговорить ей всяких ужасов про мужа и как можно больше хорошего про меня.

Он ушел, грациозно помахивая тросточкой, а майор Перен остался, крайне обеспокоенный только что полученным приглашением. Особенно мучила его мысль о шелковых чулках и парадном мундире.

Глава 4

Обед оказался скучноватым, так как многие из приглашенных к г-же де Шаверни прислали извинительные записки. Шатофор сидел рядом с Жюли, заботливо услуживал ей, был галантен и любезен, как всегда. Что касается Шаверни, то, совершив утром длинную прогулку верхом, он здорово проголодался. Ел и пил он так, что возбудил бы аппетит даже у смертельно больного. Майор Перен поддерживал компанию, часто подливал ему вина и так хохотал, что стекла

дребезжали всякий раз, когда бурная веселость хозяина давала ему повод для смеха. Шаверни, очутившись снова в обществе военных, сразу обрел и прежнее хорошее настроение, и казарменные замашки; впрочем, он никогда особенно не стеснялся в выборе выражений. Жена его принимала холодно-презрительный вид при каждой его грубой шуточке. В таких случаях она поворачивалась в сторону Шатофора и заводила с ним отдельную беседу, чтобы не было заметно, что она слышит разговор, который ей был в высшей степени неприятен.

Приведем образчик изысканности этого примерного супруга. Под конец обеда речь зашла об опере, стали обсуждать достоинства различных танцовщиц; в числе других очень хвалили мадемуазель Н. Шатофор старался больше всех, расхваливая в особенности ее грацию, стройность, скромный вид.

Перен, которого Шатофор несколько дней тому назад водил в оперу и который был там один-единственный раз, очень хорошо запомнил мадемуазель Н.

– Это та малютка в розовом, что скакала, как козочка? Та самая, о чьих ножках вы так много толковали, Шатофор?

– А, вы толковали о ее ножках? – вскричал Шаверни. – Но знаете: если вы слишком много будете об этом толковать, вы поссоритесь с вашим генералом, герцогом де Ж.! Берегитесь, приятель!

– Ну я думаю, он не так ревнив, чтобы запрещать смотреть на ее ножки в бинокль.

– Наоборот! Он так ими гордится, будто это он их открыл. Что скажете, майор Перен?

– Я понимаю толк только в лошадиных ногах, – скромно ответил старый вояка.

– Они в самом деле изумительны! – продолжал Шаверни. – Равных им нет в Париже, разве только...

Он остановился и начал крутить ус с самодовольным видом, глядя на свою жену, которая покраснела до корней волос.

– Разве только у мадемуазель Д., – перебил его Шатофор, называя другую танцовщицу.

– Нет! – трагическим тоном Гамлета ответил Шаверни. – «Вы лучше на жену мою взгляните».

Жюли сделалась пунцовой от негодования. Она бросила на мужа молниеносный взгляд, в котором ясно были видны презрение и бешенство. Потом, овладев собой, она вдруг обратилась к Шатофору.

– Хорошо бы нам посмотреть дуэт из Maometto[2 - «Магомет» (ит.)], – произнесла она слегка дрожащим голосом. – Мне кажется, он будет вам вполне по голосу.

Шаверни не так легко было сбить с позиции.

– Знаете, Шатофор, – не унимался он, – я все хотел заказать гипсовый слепок с ног, о которых я говорю, но никак не мог добиться согласия их обладательницы.

Шатофор с живейшей радостью слушал эти нескромные разоблачения, но делал вид, что, будучи всецело занят разговором с г-жой де Шаверни о Maometto, ничего не слышит.

– Особа, о которой идет речь, – продолжал неумолимый супруг, – обычно страшно возмущается, когда ей отдают должное по этому пункту, но в глубине души совсем не сердится. Знаете, она всегда заставляет чулочного мастера снимать мерку... Не сердитесь, дорогая: я хотел сказать – мастерицу... И когда я ездил в Брюссель, она три страницы заполнила подробнейшими указаниями по поводу покупки чулок.

Он мог говорить сколько ему угодно – Жюли твердо решила ничего не слышать. Беседуя с Шатофором, она говорила с преувеличенной веселостью, своей прелестной улыбкой стараясь убедить его, что только его и слушает. Шатофор, по-видимому, тоже был всецело поглощен Maometto, но ни одна из нескромностей Шаверни не ускользнула от него.

После обеда занялись музыкой, г-жа де Шаверни пела с Шатофором. Как только подняли крышку фортепьяно, Шаверни исчез. Пришли новые гости, но это не помешало Шатофору переговариваться шепотом с Жюли. Выходя, он объявил Перену, что вечер не пропал даром и дела его подвинулись вперед.

Перен находил вполне естественным, что муж говорил о жениных ногах; поэтому, когда они остались с Шатофором на улице одни, он сказал проникновенным голосом:

– Как у вас хватает духа нарушать супружеское счастье? Он так любит свою прелестную жену.

Глава 5

Вот уже месяц, как Шаверни занимала мысль сделаться камер-юнкером.

Может быть, покажется удивительным, что этому тучному, любящему удобства человеку доступны были честолюбивые мечты, но у него было достаточно оправданий своему тщеславию.

– Прежде всего, – говорил он друзьям, – я очень много трачу на ложи для женщин. Получив придворную должность, я буду иметь в своем распоряжении сколько угодно даровых лож. А известно, что с помощью лож можно достигнуть чего угодно! Затем я очень люблю охотиться, и к моим услугам будут королевские охоты. Наконец, теперь, когда я не ношу мундира, я решительно не знаю, как одеваться на придворные балы; одеваться маркизом я не люблю, а камер-юнкерский мундир отлично мне пойдет.

Итак, он начал хлопотать. Ему хотелось, чтобы и жена принимала участие в этих хлопотах, но она наотрез отказалась, хотя у нее было немало влиятельных подруг. Он оказал несколько мелких услуг очень влиятельному в ту пору при дворе герцогу Г. и многого ждал от его покровительства. У друга его Шатофора тоже было много полезных знакомых, и он помогал Шаверни с усердием и преданностью, которые вы тоже, может быть, встретите в жизни, если будете мужем хорошенькой женщины.

Одно обстоятельство значительно подвинуло вперед дела Шаверни, хотя и могло бы иметь для него роковые последствия. Г-жа де Шаверни достала как-то, не без некоторого труда, ложу в оперу на первое представление. В ложе было шесть мест. Муж ее после долгих уговоров вопреки своему обыкновению согласился сопровождать ее. Жюли хотела предложить одно место Шатофору; понимая, что она не может ехать в оперу с ним вдвоем, она взяла слово с мужа, что он тоже будет присутствовать на этом представлении.

Сейчас же после первого акта Шаверни вышел, оставив жену наедине со своим другом. Оба сначала хранили несколько натянутое молчание: Жюли с некоторых пор вообще чувствовала себя стесненно, оставаясь вдвоем с Шатофором, а у Шатофора были свои расчеты, и он находил уместным казаться взволнованным. Бросив украдкой взгляд на зрительный зал, он с удовольствием заметил, что бинокли многих знакомых направлены на их ложу. Он испытывал чувство удовлетворения при мысли, что большинство его друзей завидуют его счастью, по-видимому, считая это счастье более полным, чем оно было в действительности.

Жюли понюхала несколько раз свой флакончик с духами и свой букет, поговорила о духоте, о спектакле, о туалетах. Шатофор слушал рассеянно, вздыхал, вертелся на стуле, посматривая на Жюли, и снова вздыхал. Жюли начала уже беспокоиться. Вдруг он воскликнул:

– Как я жалею, что прошли рыцарские времена!

– Рыцарские времена? Почему? – спросила Жюли. – Должно быть, потому, что, по вашему мнению, к вам пошел бы средневековый костюм?

– Вы считаете меня большим фатом! – сказал он горестно и печально. – Нет, я жалею о тех временах потому, что человек смелый... тогда... мог добиться... многого. В конце концов достаточно было разрубить какого-нибудь великана, чтобы понравиться даме... Посмотрите вон на того огромного человека на балконе. Мне бы хотелось, чтобы вы приказали мне оборвать ему усы, а за это позволили сказать вам три словечка, не возбуждая вашего гнева.

– Что за вздор! – воскликнула Жюли, краснея до ушей: она сразу догадалась, какие это три словечка. – Взгляните на госпожу де Сент-Эрми. В ее возрасте – бальное платье и декольте!

– Я вижу только то, что вы не желаете меня выслушать, я давно это замечаю... Вам угодно, чтобы я молчал. Но, – прибавил он шепотом и со вздохом, – вы меня поняли...

– Нисколько, – сухо ответила Жюли. – Но куда же пропал мой муж?

Очень кстати кто-то вошел в ложу, и это вывело Жюли из неловкого положения. Шатофор не открывал рта. Он был бледен и казался глубоко взволнованным. Когда посетитель ушел, он сделал несколько незначительных замечаний относительно спектакля. Разговор прерывался долгими паузами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Девушка зеленоглазая,

Более белая и алая, чем цветы!

Коль скоро ты решила полюбить,

То погибай до конца, раз уж ты гибнешь (исп.).

Старинная испанская народная песня

2

«Магомет» (ит.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/prosper-merime/dvoynaya-oshibka>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)